

А. де Алмаз Юдин

ГРОЗА МЕЧТЫ

ПОЛНАЯ ТРИЛОГИЯ

А. де Алмаз Юдин
Гроза Мечты. Полная Трилогия
Серия «Гроза Мечты», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73289408

SelfPub; 2026

Аннотация

В декорациях привычных панельных многоэтажек и разбитых дорог идет война, невидимая для обывателя, но решающая судьбу человечества. Здесь древние боги носят худи и кеды, а высокие технологии корпораций «Океан и Небо» и «Гербита» соседствуют с магией, способной заморозить солнце.

А. де Алмаз Юдин
Гроза Мечты.
Полная Трилогия

АНДРЕЙ ДЕ АЛМАЗ ЮДИН

ГРОЗА МЕЧТЫ
РОМАН-КИНОЛЕНТА

ТРИЛОГИЯ

КУРСК, 2026

Юдин, А. Гроза Мечты. Трилогия Книга: роман-кинолента / Андрей де Алмаз Юдин. – Курск: [б.и.], 2026. – [121] с.

Аннотация: В декорациях привычных панельных многоэтажек и разбитых дорог идет война, невидимая для обывателя, но решающая судьбу человечества. Здесь древние боги носят худи и кеды, а высокие технологии корпораций «Океан и Небо» и «Гербита» соседствуют с магией, способной заморозить солнце.

18+

Все персонажи являются вымышленными, и любое сов-

падение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Юдин А., текст, оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЖАНРЕ

ЧАСТЬ 1 СЕРИЯ 1

СЕРИЯ 2

СЕРИЯ 3

СЕРИЯ 4

СЕРИЯ 5

СЕРИЯ 6

СЕРИЯ 7

СЕРИЯ 8

СЕРИЯ 9

СЕРИЯ 10

СЕРИЯ 11

СЕРИЯ 12

ЧАСТЬ 2 СЕРИЯ 1

СЕРИЯ 2

СЕРИЯ 3

СЕРИЯ 4

СЕРИЯ 5

СЕРИЯ 6

СЕРИЯ 7

СЕРИЯ 8

ЧАСТЬ 3 СЕРИЯ 1

СЕРИЯ 2

СЕРИЯ 3

СЕРИЯ 4

СЕРИЯ 5

СЕРИЯ 6

СЕРИЯ 7

ОБ АВТОРЕ

О ЖАНРЕ

Роман-кинолента – это литературно-художественная форма, находящаяся на стыке нарративной прозы и сценарного мастерства. Ключевой особенностью жанра является кадровое построение текста: повествование разбито на дискретные визуальные блоки (микро-сцены), имитирующие монтажную склейку в кино.

В отличие от классического романа, здесь минимизирована внутренняя рефлексия героя, передаваемая через поток сознания; вместо этого психология персонажа раскрывается через внешнее действие, визуальную детализацию и динамику смены планов. Текст конструируется с учетом «зрительского», а не «читательского» восприятия, где синтаксис диктует ритм и скорость «просмотра» сюжета в воображении.

Примечание автора: Данное издание представляет собой текстовую адаптацию проекта. Это литературный каркас истории. Полноценная версия «Грозы Мечты» существует как мультимедийный проект с кинематографичными кадрами, созданными для полного погружения в атмосферу. Здесь же перед вами – чистое слово, позволяющее вашей фантазии самой выступить в роли режиссера.

ЧАСТЬ 1 СЕРИЯ 1

Комната напоминала забытую декорацию к фильму о закате империи. Не школьник здесь жил, а эпоха, забывшая уйти. Обои, пережившие смену строя, соседствовали с постером «Пепси» из девяностых. Занавески были сшиты из бывших штор районной столовой и висели так плотно, будто выполняли государственный заказ по борьбе со светом. Солнце за ними существовало лишь теоретически. В углу доживал свои дни фикус. Листья его держались не на воде, а на привычке. Привычка есть самая выносливая форма жизни. Она переживает империи, семьи и людей. Умирает привычка только тогда, когда её перестают кормить оправданиями.

Худощавый юноша лежал на диване. Пружины упирались в его спину с той же настойчивостью, с какой пенсионеры прорываются к окну регистратуры. Зелёные глаза смотрели на занавески, пыль на которых давно выводила знакомый профиль Горбачёва. Тонкие его пальцы сжимали пульт от

«Витязя», а чёрный корпус телевизора был заклеен скотчем в трёх местах. Он нажал красную кнопку. Раз. Два. На третий раз экран телевизора вздохнул и погас, втянув последний луч света.

– Раньше было два канала, – прошептал он, кутаясь в плед. – Первый и Второй. И всё. А теперь... триста. И смотреть нечего.

Хулиган швырнул пульт в холодильник «ЗИЛ», который завыл в ответ адским скрипом, словно голодный пёс; на нём болтался магнит «Курск-2020».

Сон накрыл несчастного ватным одеялом всесоюзного образца. Приснилась ему зимняя дорога, по которой он ходил в школу. Тихо падал снег, похожий на пенопласт, а домишки кособочились, словно души, отвергшие небеса ради земной свободы. Юноша побежал по сугробам, пытаясь удрать от мыслей о ЕГЭ, но дорога вела только к сельскому клубу, где на сцене вечно крутился знакомый диск.

Разбудил парня резкий треск будильника «Сибирь», который звучал как гудок «Уралмаша», возвещающий смену на заводе. За окном поднимался рассвет так же неубедительно, как обещания тех, кто правит странами, но не душами.

Он медленно встал с дивана, как в поликлинике, услышав свой номер. Глаза слипались, но тело уже действовало без участия мыслей. Одна рука выключила будильник, другая опёрлась на тяжёлый стол. Стол за свою жизнь видел многое и многих. Отколотые углы и тёмные чайные пятна хра-

нили прошлое лучше любого дневника.

– Когда это кончится... – тихо сказал он.

В пустоте перед ним угадывалась мелким шрифтом надпись о его дальнейшей судьбе без свежего воздуха. Прошлое не отпускает потому, что будущее так и не пришло. Когда впереди пусто, назад тянет сильнее.

С трудом мученик натянул толстовку, которую два года назад купил на рынке. Принт «Metalion» на груди выцвел так сильно, что напоминал просто грязное пятно. Ноги привычно нырнули в ботинки, корка засохшей грязи на них давно стала частью дизайна.

Скрипучая дверь приоткрылась с капризом, от которого свело зубы.

Во дворе стояла старая одноколёсная тачка, вокруг неё деловито толпились гуси. Они лениво щипали прохудившийся борт, словно искали то ли семечки, то ли смысл жизни, впрочем, и то, и другое здесь давно потеряло всякое значение.

Завидев Ламаза, гуси встрепенулись: в их мире он был не человеком, а сладкой мишенью. С дьявольским «га-га-га» крылатые охранники бросились к нему, проверяя на вкус его потерянность, спрятанную под выцветшую толстовку. Юноша осторожно прыгнул в тачку и уставился в небо. Солнце лениво переваливалось через крышу соседского сарая, заливая двор светом. На секунду показалось, что здесь даже тихо.

Мгновение покоя лопнуло, как мыльный пузырь. Реальность вломила в его жизнь с треском и громом среди яс-

ного дня.

– Ты что разлѣгся? А ну иди сюда! – прогремело сзади, словно сам небесный суд призвал к ответу.

Из тѣмного зева гаража выплывала фигура деда. Он стоял, покачиваясь в замасленном комбинезоне, как призрак советского автопрома. От него несло перегаром так, что, казалось, воздух вокруг начинал плавиться.

– Ламаз, – погрозил пальцем дед, пытаясь сфокусировать взгляд. – Был бы ты «Камаз», цены б тебе не было. А так... Ветром тебя шатает. Жрать надо, а не по углам шляться!

Гуси, потеряв интерес, разошлись. Внук выбрался из тачки и побрѣл к гаражу, волоча ноги, будто на подошвах висели гири. Каждый шаг давался с трудом. Ему не хотелось туда, где темно.

В гараже пахло бензином, маслом, железной стружкой, махоркой и, возможно, временем. Этот запах въедался в кожу, одежду и мысли, не давая покоя. Посреди хлама, как чѣрный кит, выброшенный на берег, стояла «Волга».

– Глянь, стерва, – сорвал дед чехол, плюнув под колесо. – Всё течѣт. Никакого порядка. Подержи-ка тормоза.

Старик нагнулся под капот, смачно ругнулся и выбрался обратно, размахивая ржавым ключом.

– Ты там держишь? – спросила его пьяная воля, пропахшая старым законом.

– Держу! – крикнул Ламаз, устроившись за рулем.

– Держу! – передразнил старый.

– Да, держу, – повторил юноша.

– Я в твои годы в Афганистан чуть не уехал! А ты даже кашу не можешь осилить, – фыркнул пенсионер, снова ныряя под капот.

Хитрец почувствовал, что чья-то тень нависает над ним. Дед шагнул ближе, дергаясь, как строительные леса. Его сила, не найдя смысла, постоянно превращается в крик.

– Ничего не умеешь делать! – внезапно рявкнул старик, бросаясь к внуку.

Юноша выскочил из машины и увернулся ловким прыжком уклониста, разгоняясь к выходу. Пенсионер хотел продолжить свои слова, но несчастный уже летел по двору, не оглядываясь назад. Дверь в дом захлопнулась за спиной с тяжёлым стуком, отрезав его от того, что этот мир ему навязывал.

Внук прислонился к двери, тяжело дыша. В комнате снова пахло борщом, который дед не доварил утром, и тёплым йогуртом, что стоял на окне. Бунтарь свалился на диван, чувствуя, как одиночество обнимает его.

– Как же я устал от всего, надо валить, пока не поздно, – прошептал он, глядя в потолок.

Вдруг телевизор ожил сам. Просто вспыхнул синим, заливая комнату мертвенным светом. Звуча от него не было, только тонкий, на грани слышимости, электрический писк заполнил старую комнату. Зеленоглазый замер, глядя в экран, но не увидел изображения. Мальчик начал ходить по

комнате, как медведь в клетке, только клетка была не из железных прутьев, а из липкого страха, непонимания и едкого послевкусия родительского перегара.

Страх внутри был очень ощутимый, как когда тебя вызывают к доске, а тему ты не успел выучить или просто поленился. Его не отпускала мысль, что рядом стоит кто-то чужой, чей взгляд проникает прямо в душу, может, его собственный. Но сегодня к этому добавилось что-то странное, почти неуловимое в закрытой комнате.

Бунтарь нервно остановился у окна, глядя на серый двор. Там, где среди сараев бегали гуси, гоняя уток, мелькнула тень, которая легко складывалась в треугольник. Мальчик прищурился, но видение исчезло, оставив лишь гнетущее чувство, что он здесь не один. Одиночество, его вечный спутник, сегодня казалось особенно тяжёлым.

И тут Ламаз вспомнил Свету. Единственную, кто в классе умел задавать вопросы, на которые не было ответов. Может, у неё есть объяснение происходящему? Или хотя бы надежда, что всё в порядке и крыша не поехала, а реальность обещает сюрпризы.

Он потянулся к телефону на столе. Экран озарил его лицо снизу, сделав хитреца чужим в свете фонаря. Большой палец замер над клавиатурой. Написать? Значит признать себе, что слаб и не справишься. Но молчание в комнате стало таким плотным, что его можно уже было потрогать кончиками пальцев.

– «Привет, ты занята?» – написал юноша.

Мальчишка посмотрел на сообщение и тут же пожалел. Теперь он был не просто напуган. Он был напуган и ждал ответа. А ждать ответа – это хуже, чем сидеть у зубного врача, когда тот уже достал свои инструменты и собирается пилить зуб.

Кофейня «Султан» была дырой во времени: низкий потолок, самодельные фонарики, висевшие над столиками. На двери висела табличка: «Курить можно, но лучше не надо». На стойке под стеклом мумифицировалась пахлава, помнящая ещё прошлый кризис в стране.

У тротуара с шипением остановилась «пятёрка» цвета зелёной тины. Колёса скрипнули, и из пассажирской двери вышла девушка лет восемнадцати-двадцати с русыми волосами, собранными в хвост, одетая в тёмные джинсы и красную клетчатую рубашку. Машина скрылась в облаке пыли, оставив Свету одну. Она вздохнула, глядя на экран телефона, где светилось непрочитанное сообщение от одноклассника.

Воздух взорвался без предупреждения. Плотная ударная волна откинула одноклассницу в сторону, издавая свист. Она пропахала плечом гравий, перекатилась, но телефон из рук не выпустила. Её рефлексы сработали быстрее мыслей в голове.

Из клубов дыма вышла Надира. Ей было сорок, но в ней кипела энергия, способная сдвинуть горы. Минерал подпитывал клетки Нады, делая её тело в разы моложе, и поз-

волял менять лица на более молодые. На женщине была огромная тёмно-фиолетовая накидка, подпоясанная широким ремнём, а на спину падала чёрная длинная коса, отчего она казалась героиней древних легенд. Надира подняла руку, и перед ней вспыхнул щит из света.

– Цыпа, не подведи, – сказала Надя, мотая головой.

Света медленно поднялась, отряхивая колени и забрасывая телефон в карман. В её правой ладони вспыхнула искра. Яркий жёлтый свет вытянулся в струну, загудел и затвердел, превращаясь в узкий металлический клинок, сияющий холодным, неземным блеском, словно выкованный из осколков звёзд, что некогда освещали Эдем.

– Ты мне разбила телефон, – произнесла девушка.

Нада резко метнулась вперёд и ударила её ногой. Свету отбросило на пять метров, пыль взвилась столбом. Она приземлилась на ноги, ровно скользя по земле. Между ними раскинулась пустая пыльная площадь, залитая холодным светом утреннего солнца.

На долю секунды девушка превратилась в вертикальный росчерк света, возникнув вплотную к наставнице. Меч свистнул, метя в шею, но Надира даже не моргнула. Её левый локоть вспыхнул белым пламенем, встречая лезвие. Звон металла в этот момент был похож на удар гигантского колокола. Воительница попятилась, но женщина шагнула вперёд, вдавливая оборону ученицы. Она выбросила кулак, из костяшек вырвался сгусток энергии, как выстрел в упор. Однокласс-

ница ушла перекатом, снова исчезла и возникла за спиной женщины, выбивая ей опорную ногу подсечкой.

Надя рухнула, но земли не коснулась. Она растворилась в воздухе и материализовалась в трёх метрах, уже твёрдо стоя на ногах. Щит на её руке истаял дымом, а в ладони возник тяжёлый охотничий нож с тёмным, матовым лезвием.

Девушка посмотрела на свой телефон. Экран уже превратился в паутину из осколков.

– За телефон я бы тебя сама тут закопала, – буркнула она, убирая сияющий меч. – Минус фотки и ползарплаты. Спасибо большое.

– Это тот самый одноклассник написал? – кивнула Нада на убитый гаджет, пряча нож в невидимые ножны. – Из-за которого ты на экзаменах дёргалась?

Света тяжело вздохнула. Отрицать было глупо, но Надира видела людей насквозь, и никакие щиты тут не помогали.

Внутри «Султана» пахло жжёным сахаром и кардамоном. Надира варила кофе сама, стоя у песка. Никаких кофемашин, только медь и огонь. Ритуал, который нельзя торопить и ломать.

Света сидела за дальним столом. Столешница, изрезанная временем и ножами, хранила историю всех местных драк и свиданий. Девушка вертела в руках чёрный кирпич, бывший когда-то смартфоном. Она всё нажимала кнопку питания, надеясь на чудо, но экран оставался мёртвым.

– У нас теперь спарринги без предупреждения? – бросила

воительница, не поднимая глаз.

Ди подошла неслышно. Керамическая чашка звонко стукнула о дерево перед носом ученицы. Чёрная жидкость в ней даже не шелохнулась. Женщина, внимательно посмотрев, не села. Она плотно нависла над столом, скрестив руки на груди.

– Не прикидывайся душой, Света. Тебе не идёт совсем, – сканировала Надира. – Ты правда собралась втянуть его в это?

Света дёрнула плечом, отхлебнула кофе и поморщилась.

– Втянуть во что? – удивилась она.

– В свою жизнь, конечно, – наклонилась Ди ниже, заглядывая ей в зрачки. – Представляешь, как это будет? «Ламаз, познакомься, это моя подруга, ей по паспорту лет сто, но она сохранилась благодаря минералу»? Он решит, что ты чокнутая на голову. Или что ты водишься с ведьмой.

– Не преувеличивай, – фыркнула девушка, отводя взгляд. – Ты выглядишь на тридцать. Максимум. Ну, может, с хвостиком.

– И без косметики, – усмехнулась женщина. – Внешность – это просто обертка, Цыпа. Фантик. Важно то, что под ним, а там у нас с тобой настоящие зубы.

Надя выпрямилась и отошла к стойке.

– Пей и думай, что скажешь ему, когда спросит, почему ты не отвечаешь так долго, – бросила она.

Телефон на полке забился в истерике. Звук был слыш-

ком резким для мирного утра, слишком настойчивым для обычной случайности. Старый аппарат вибрировал, сдвигая пыльные гайки. Дед схватил трубку, рывкнул короткое «Да!», и лицо его мгновенно посерело. Так сереют стены перед тем, как в них врезается снаряд.

– Ламаз! – крик старика сорвался на визг. – В дом! Живо!

Но сам он бросился не в дом. Старик прыгнул в «Волгу», мотор которой взревел раненым зверем. Машина рванула с места, сбивая пустые ящики, и через секунду уже скрылась за поворотом, оставив внука одного в облаке выхлопных газов. Облако медленно оседало, а вместе с ним оседало и ощущение, что сейчас произошло нечто необратимое.

Юноша замер на месте, щурясь от солнца. Он проводил её взглядом, чувствуя, как внутри что-то сжимается, ибо пенсионер редко уезжал так поспешно.

СЕРИЯ 2

Где-то в конце улицы жарко ухнуло. Не громко прозвучало, но земля под ногами вздрогнула так сильно, что по телу мальчика холодно пробежали мурашки. В небо поднялся столб рыжей пыли. Из этого марева вынырнули два силуэта: угловатый чёрный джип и потёртый УАЗ с турелью на крыше.

Возле машин копошились три фигуры в синем камуфляже. Один таскал за спиной два автомата, другой щупал под курткой пистолет-пулемёт, третий прижимал к груди старый

помповый дробовик. Выглядели они не как солдаты. Скорее, как обычные рабочие, которых заставили надеть костюмы для дурацкого корпоратива с оружием. В них была только деловая суета людей, привыкших делать грязную работу без лишних вопросов. Боевики расставляли какие-то треноги с проводами, готовясь к прибытию ученых.

– Ничего себе... – прошептал Ламаз, испытывая юношеское любопытство.

Взгляд хитреца плавно упал на сарай, покрытый синим шифером. И сразу вспомнилась воздушка, что дед подарил ему на четырнадцать лет, чтобы гонять грачей с огорода, а не усмирять бунт, который стремительно рос в душе. Юноша рванул туда. Хитрец понимал, что это глупо. Но глупость иногда была единственным способом почувствовать себя живым. Доска, прибитая к земле, раздражительно скрипнула, паутина зацепилась за тёмно-русые волосы, но старая винтовка, холодная на ощупь, с гордостью легла в руки бунтаря.

В это же время в кофейне «Султан» Надира напрягалась, чашка в её руке чуть не треснула от хватки.

– Началось, – сказала она.

Оружие одноклассницы, прислонённое к стене, вспыхнуло ослепительным светом и взмыло вверх, пробив потолок.

– Опять штукатурить, – вздохнула Ди и растворилась в воздухе.

Клинок с глухим стуком вонзился в землю прямо между

камуфляжными фигурами, ещё секунду дрожа, как камертон. Ударная волна раскидала кур, которые испуганно бежали во дворе. Через мгновение девушка материализовалась из луча света на месте воткнувшегося меча. Надира появилась вдали от неё, около стога сена, готовясь наблюдать.

За спиной Светы с сухим треском развернулись крылья из сотканного, вибрирующего света, освещая двор и отбрасывая далёкие мягкие тени.

Синтетики открыли огонь без предупреждения. Никаких «брось оружие» не последовало, просто нажали на спуск.

– Круто... – выдохнул Ламаз, высовываясь из-за сарая. Ему казалось, что он смотрит стрим. – Как в игре...

Пока воительница отбивалась от вражеских пуль, перемещаясь туда-сюда, зеленоглазый, не обращая внимания на серьёзность происходящего, уже оценивал зрелище так, как оценивают ролики с анбоксингом редких игровых скинов.

Реальность коснулась фантазёра мгновенно.

Пуля прошила дощатую стену сарая, как бумагу, и ударила его в грудь. Не было ни героической музыки, ни замедления времени. Просто тупой, горячий удар, выбивший воздух насквозь, после которого Ламаз рухнул лицом в землю, задыхаясь от собственной крови. Реальность всегда приходит без предупреждения и без спецэффектов.

– Цыпа, прикрой его! – раздался сверху голос Надиры.

Женщина появилась прямо перед строем решительных стрелков. Надя не бежала, она текла сквозь пространство.

Синтетик с бородой нажал на спуск, но автомат в его руках вдруг дёрнулся, вырываясь из пальцев, и повис в воздухе, словно в невесомости. Второй боевик растерянно смотрел, как его «Узи» улетел высоко в небо.

Света, сияя крыльями, появилась рядом с Ламазом.

– Дурак, – прошипела она, сдерживая смех и гнев одновременно. – Какой же ты дурак.

Одноклассница прижала ладонь к его кровавой ране.

– Ты ещё мал, чтоб умирать, поэтому будешь жить, – прошептала воительница.

Бунтарь почувствовал, как в грудь льётся жидкий огонь. Боль сразу исчезла, сменившись диким, звенящим напряжением, будто его подключили к розетке. Лёгкие расправились, жадно глотая бесконечный воздух.

– А графика... ничего такая... – прохрипел мальчик, улыбаясь. – Давно такой не видел.

Надира не стала ждать перезарядки. В её руке сгустился плотный свет, приняв форму изогнутого клинка. Одним рывком она оказалась за спиной ближайшего наемника. После ловкого взмаха тело противника грузно осело с глухим стоном, словно из него выдернули стержень.

– Лови! – швырнула нож женщина Свете.

Девушка перехватила его в воздухе, но Надя уже исчезла, материализовавшись на коньке крыши. На плече наставницы расплывалось тёмное пятно, шальная дробь всё-таки случайно зацепила её. Она присела, накрыв рану ладонью,

из которой лился тёплый белый свет.

Внизу же что-то изменилось. Оставшиеся двое боевиков вдруг зарычали, их звук был нечеловеческим и влажным, а вены вздулись и полыхнули фиолетовым неоном, просвечиваясь сквозь одежду. Человек боится смерти, но они использовали её как батарейку.

Теперь из стволов летел не свинец, а сгустки фиолетовой плазмы. Первый же мощный залп разнёс угол сарая в щепки, наклонив другую часть. Свету взрывной волной швырнуло на землю, нож Нади вылетел из руки и заскользил по грязи прямо к испуганным ногам Ламаза.

Боевики наступали ближе, поливая двор ярким огнём. Но с каждым выстрелом с ними творилось жуткое. Кожа высыхала, на лицах прорезались глубокие борозды морщин, чёрные волосы прямо на глазах седели и выпадали. Синтетики сжигали свою жизнь ради убойной силы. Каждый выстрел громил всё вокруг, превращая стены в пыль, оставляя на земле обугленные кратеры.

Когда Ламаз увидел нож, страх отключил мозг, оставив только голые инстинкты. Он схватил рукоять, вскочил и бросился на ближайшего стрелка, дряхлого старика в мешковатой форме, который ещё секунду назад был молодым парнем.

Бунтарь не умел прыгать красиво, в этот момент он споткнулся, поскользнулся на гильзах и просто с размаху воткнул лезвие врагу под рёбра. Нож вошёл мягко, издавая

чавкающие звуки.

Синтетик захрипел, выронил оружие и повалился на зеленоглазого, придавив его своим весом. В нос мальчика ударил запах старого, невымытого тела и палёной плоти.

Ламаз в страхе отпихнул труп и отполз, глядя на свои руки, которые были в чужой крови.

– Я его... – заикнулся он.

Второго добила Света. Она телепортировалась за его спину, вогнала меч в грудь, и тот упал, не успев произнести слов.

Мальчишка тихо поднялся, но его плечи сжали невидимые тиски. Он попытался отряхнуть свой страх, но чувствовал, что его глаза кричали о том, что всё реально.

Витя Топор шагнул из-за УАЗа, словно возникнув из пустоты. Высокий, тёмноволосый, коренастый мужчина в красной жилетке, надетой поверх тёмной рубашки, и в тёмных джинсах. На поясе у него столько инструментов и ножей, что можно трижды починить танк. Не зря он себя именуется «механик ада».

– Опять я всё веселье пропустил, – пнул он искорёженный автомат. – Ненавижу Синтетиков. От них много грязи.

– Ты вовремя, ничего не пропустил, – спрыгнула Надира.

– Пробки, – буркнул гигант, переведя тяжёлый взгляд на Ламаза. – А это ещё кто? Детский сад на выгуле?

– Это друг Светы, – кивнула Ди на девушку, которая стояла рядом с хитрецом. – Если бы не он, нас бы тут прижали. Ну, или мы бы его хоронили. Одно из двух. На твой выбор.

– Синтетика... – прошептал зеленоглазый, глядя на высушенные трупы. – Мы что... воюем с ними?

– «Мы»? – переспросил мужчина, чиркая зажигалкой. – Пацан, ты штаны сначала подтяни. У нас тут не Зарница, а нормальные мужики такие вопросы не задают.

От вопроса бунтаря повеяло детством, а детство здесь считалось роскошью.

Одноклассница схватила Ламаза за локоть и оттащила в сторону, к ржавому мангалу, в котором гнил прошлогодний мусор. Подальше от взрослых, которые деловито обыскивали трупы.

– Ты понимаешь, что здесь происходит? – зашипела она, оглядываясь. – Какого ты вообще залез сюда? Сидел бы дома! Когда надо, не выгонишь тебя. А сейчас пришёл.

– Передумал, – сказал он, глядя, как муравей ползёт по трещине в земле. – Слушай, Свет... Я хочу знать очень подробно. Кто эти... Синтетика? У меня много вопросов.

– Мы сами толком не знаем, – отвела она взгляд, нервно теребя край рубашки. – Знаем только то, что удастся выбить из них.

– Класс, информативный диалог, – сплюнул Ламаз в траву, вкус крови во рту его раздражал. – Ладно, пойду у деда спрошу. Если он, конечно, вернётся, старый пень.

Света резко повернулась к нему, её зрачки расширились, заполняя радужку чернотой и удивлением. Бунтарь почувствовал, как в висках кольнуло, будто ледяная игла косну-

лась на секунду мозга.

– Ты... приёмный? – выдохнула она.

– Ты в голову мне залезла? – приблизился мальчик. – Не делай так больше.

– Короче, детсад, – пробасил Витя Топор.

Он подошёл ближе, поигрывая своим оружием. Это был жуткий гибрид: пожарный топор, в рукоять которого встроен механизм пистолета-пулемёта.

– Мелкий с нами или как? – спросил он, глядя на зеленоглазого сверху. – Если нет, стираем память и вали на все четыре стороны. Если да... ну, памперсы не выдаём.

Ламаз тут же задумался. Внутри него боролись два чувства. Первое – животный ужас. Здесь не было сохранений. Вон та куча пепла, которая была людьми, не возродится на чекпоинте. Но второе чувство... Оно было сильнее. Азарт. Дикий, пьянящий азарт. Всю жизнь юноша гнил в этой комнате с ковром на стене, а теперь реальность треснула, и из трещины пошёл настоящий контент. Это был шанс перестать быть NPC в чужом сценарии, написанном заранее.

– А пробный период есть? – спросил он, пытаясь сдержать дрожащий голос.

Надира усмехнулась и забрала без злобы свой нож, который тут же растворился в её руке дымом.

– Наглый какой, – констатировала она.

Света закатила глаза так, что казалось, они сейчас сделают полный оборот.

– Да идите вы, – простонала она. – Герои мамкины.

Она сделала шаг назад и исчезла. Просто стёрлась из воздуха, оставив после себя лёгкое колебание, как над раскалённым асфальтом.

Витя положил свою тяжёлую ладонь на плечо Надиры, прежде чем двор опустел.

– Бывай, пацан. Дверь запри, – крикнул Топор.

Зеленоглазый хитрец вернулся, потряхивая растрёпанными волосами, и с энтузиазмом попытался открыть двери джипа, стоявшего неподалёку.

– Да чтоб вас! – гневно выругался мальчишка, когда дверь не поддавалась усилиям.

Двери были крепче, чем желание пенсионера отстоять очередь за бесплатной гречкой.

– Ну, конечно... Есть те, кому всё падает с неба, а мне что? А мне можно? – взмахнув руками, хитрец посмотрел в мутное тёмное небо, ожидая, что оттуда свалится ответ.

Мир редко отвечает тем, кто спрашивает вежливо.

Он предпочитает тех, кто берёт, не дожидаясь разрешения.

Взгляд метнулся к УАЗу. Старый добрый «бобик» с турелью на крыше выглядел доступнее. Задняя дверца была открыта, видимо, в спешке боя её не захлопнули боевики. Замок щёлкнул, и перед ним оказался небольшой склад оружия.

Стволы были свалены в кучу. На первый взгляд, привычные «калаши», но, присмотревшись, Ламаз понял: от автомата Калашникова тут осталась только эргономика. Никакого дерева и ржавого металла не было, вместо привычного рожка располагался плоский блок, утопленный в корпус. Предохранителя не было, только сенсорная панель сбоку, на которой тускло мигал индикатор заряда. Синтетики возят их «на всякий случай», но, как показывает практика, они просто пылятся в багажнике.

– Неплохой дроп, – пробормотал он, прикладывая оружие к плечу. Прицел тут же ожил, проецируя красную точку прямо в воздух перед глазом.

Но самым интересным был не автомат. На полу багажника, среди гильз и тряпок, валялся широкий тактический наруч. Экран моргнул, выдавая поток бегущих строк на незнакомом языке, смесь кириллицы и математических символов. Чувство, что кто-то стоит за спиной, не отпускало его.

«Надо перестать разговаривать вслух», – подумал зеленоглазый.

Он всегда так думал, пока не понял, что мозг иногда живёт своей жизнью. «Да ладно, привык уже, это мой мозг, а не я».

Бунтарь схватил с сиденья чей-то брезентовый рюкзак, пахнувший оружейным маслом, сгрёб туда наруч, пару зарубежных батареек и быстрым шагом направился к дому.

В «Султане» днём былолюдно, пахло специями и жарен-

ным зерном. Света прошла сквозь зал, не снимая белых перчаток, и нырнула за неприметную дверь у старой кассы. Каменные ступеньки холодно отдавали звук от её ног.

Подвал напоминал бойцовский клуб, устроенный в бомбоубежище во время апокалипсиса. В центре разворачивался ринг, ограждённый канатами и местами замотанный изоляцией. По периметру, словно судьи на пенсии, стояли массивные готические кресла с потёртой бархатной обивкой, явно спасённые из ближайшего разграбленного театра.

В тишине раздавался только мерзкий, ритмичный скрежет.

Витя Топор сидел за верстаком, заваленным инструментами. Он правил лезвие своего чудовищного оружия.

Надира устроилась в одном из кресел в углу. Она грела руки о кружку с кофе и смотрела в одну точку, читая запрещённое на невидимом экране.

– Ну? – скрестила руки на груди Света. – Долго будете в молчанку играть? Или сразу начнёте отчитывать меня за Ламаза?

Витя провёл пальцем по лезвию, проверяя остроту. На коже едва выступила красная капля.

– Да плевать мне на твоего школьника, – перебил он, не оборачиваясь. – Меня другое волнует. Какого чёрта Синтики забыли в нашем секторе?

– Откуда я знаю? – огрызнулась воительница. – Я не успела их допросить, они рассыпались! Если ты такой умный, на-

до было приходиться вовремя!

Витя медленно поднялся. Стул жёстко скрипнул, жалуясь на вес хозяина. Мужчина шагнул к девушке, нависая над ней скалой.

– Я прихожу вовремя туда, где есть смысл, – его голос стал тихим и жёстким, как удар молота. – Мы тратим время на возню в песочнице, пока мой брат гниёт у них. Ты обещала, что вытащим его. А вместо этого мы нянчимся с твоими одноклассниками.

Света открыла рот, чтобы ответить, но промолчала, потому что Витя попал в больное место.

– Бесишь, – выдохнула одноклассница, отводя глаза.

– Взаимно, – сказал Топор.

Мужчина подхватил своё оружие, висящее на ремне, и двинулся к лестнице, задев Свету плечом.

– Разбирайтесь сами. У меня есть дела поважнее, чем учить тупых детей, – пробормотал Витя, не поворачиваясь.

Тяжёлая дверь наверху хлопнула, отрезая их от шума кофейни. Иногда лучше просто уйти, чтобы не сказать лишнего.

СЕРИЯ 3

Офис компании «Гербита» был квадратным, как шарага, и находился у чёрта на куличиках, в месте, куда даже GPS не всегда может правильно довести. Корпорации любят геометрию, в ней удобно прятать хаос и ответственность за чу-

жие жизни. Вокруг офиса тянулись маленькие офисные здания и лаборатории, словно прилипшие к нему, как мелкие рыбёшки к огромной акуле. С высоты вся эта архитектурная мешанина складывалась в букву «G», и ночью это особенно бросалось в глаза благодаря неоновой подсветке.

Внутри царила стерильная тишина, разбавленная гулом серверов. Отдел аналитики напоминал улей: ряды столов, мерцание мониторов, запах озона и дешёвого кофе или чая. В дальнем углу, заваленном распечатками карт, сидел парень. На вид он совсем мальчишка: пшеничные волосы торчат ураганом, худые плечи, взгляд вечно виноватый. Ивану было двадцать четыре, но паспорт у него спрашивали даже при покупке энергетиков.

Он держал в руках дешёвую пластиковую рамку. Со снимка улыбался парень в белой рубашке на фоне солнечных сосен. Никто в этом здании не узнал бы в этом жизнерадостном студенте Витю Топора. Иван провёл пальцем по стеклу и быстрым движением сунул фото в ящик стола.

Двери бесшумно распахнулись. Первым вошёл начальник службы безопасности, безликий шкаф в чёрном костюме. За ним, чеканя шаг, в зал вплыл Пётр Сергеевич. Генеральный директор выглядел неважно: бледная кожа отражала тусклый свет, седые волосы стянуты в тугий хвост, под глазами залегли давнишние тени. На нём был тёмно-фиолетовый пиджак, слишком яркий для похорон, но идеально подходящий для траура по упущенной прибыли. Его губы были сжаты в

тонкую линию, сдерживая острое желание кого-нибудь жестоко убить.

– Пётр Сергеевич, мы... – пискнула какая-то девушка у кулера.

Директор даже не повернул головы. Он прошёл к центру зала и остановился.

– Пусто, – начал он тихим голосом так, что его услышали все. – Там нет никаких минералов. Группа уничтожена. Оборудование потеряно. Кто дал неверные координаты? Откуда взялись эти данные?

Иван вжался в кресло, его сердце колотилось где-то в горле, душа ушла в пятки. Это он отправил группу в засаду, подменил цифры.

Парень заставил себя подняться. Колени дрожали, но он использовал это. Пусть думают, что он просто боится начальства.

– Пётр Сергеевич... – дрогнул Иван, выдавая нужную ноту неуверенности. – Я... я могу предложить запись. С нашлемной камеры одного из Синтетиков. Тех, что были в авангарде.

Директор медленно повернулся к нему.

– Запись? – переспросил Пётр. – Любопытно. Надеюсь, там есть ответы, а не просто кадры того, как мои инвестиции превращаются в пепел. Занеси мне в кабинет. Лично.

Мужчина развернулся на каблуках и вышел, а Иван рухнул обратно на стул, чувствуя, как холодный пот течёт по

спине.

Жилище Ламаза никогда не было для него настоящим домом. Так, временное убежище. Стены, кое-как замазанные самой дешёвой белой краской, ковёр на стене, пылевые клещи, которые помнили ещё Олимпиаду в Москве.

На столе был вывален лут из УАЗа: вакуумные пакеты с сухпайком, отвёртки с магнитными жалами, какая-то брошюра на незнакомом языке и тот самый наруч. Зеленоглазый сидел, уткнувшись в тёмный экран гаджета. Пальцы безуспешно тыкали в сенсор и резиновые кнопки сбоку.

– Ну же, – шептал он. – Как тебя включить, кусок железа-ки? Как ты включаешься?

Устройство молчало очень долго. Ламаз с досадой отшвырнул наруч подальше от себя и потянулся к брошюре, но в этот момент входная дверь грохнула о стену, пробив картон ручкой.

Дед Трофим ворвался в комнату, неся с собой запах махорки и бензина. Пенсионер рылся в шкафу, швыряя на пол рубашки, словно искал спрятанную гранату.

– Собирайся, – бросил он, не оборачиваясь. – Уезжаем. Сейчас же.

– Куда? – выкрикнул Ламаз.

– Не твоё дело! – рявкнул дед, швыряя ему под ноги чёрный, полинявший рюкзак. – Жить хочешь, шевелись. Но я тут не останусь. Они обязательно вернуться.

– Я никуда не поеду, – тихо произнёс зеленоглазый, под-

гибая губу.

– Поедешь! – развернулся Трофим. – К тётке в центр поедем, или в подвале посидим. Но здесь оставаться нам нельзя. Одевайся быстро!

– Я не поеду в твои клоповники! – вскочил Ламаз, откидывая рюкзак и тряпки ногой в сторону. – Мне некуда идти, у меня тут всё! Дом, жизнь... Компьютер, в конце концов! Я на него аж три года копил!

– Жизнь у него... – шагнул к нему старик, как асфальтовый каток. – Сдохнешь ты тут со своим компьютером! Думаешь, это шутки? Я с тобой в игры играю ща?

Бунтарь отшатнулся к кровати, его рука нащупала холодную рукоять. Дешёвая сувенирная катана, заказанная недавно на распродаже, висела здесь для красоты. Сталь мальчик не успел заточить, но вес придавал силу этому клинку.

Когда старик приблизился ближе, инстинкты хитреца загорелись огнём. Зеленоглазый выхватил клинок и с размаху, не глядя, ударил наотмашь так, что комнату наполнил глухой стук металла о кость. Свой поступок бунтарь не смог отметить, даже имея желание.

Трофим охнул и отшатнулся, закрывая лицо руками. Сквозь старые грубые пальцы тут же просочилась тёмная кровь. Он осел на пол, глядя на внука с животным изумлением.

– Ты... – прохрипел старик. – Ты чего...

– Я тебя прям здесь... – замахнулся мальчик, но остано-

вился, посмотрев на его руки.

Ламаз схватил со стола гаджет, засунул его в карман, одним рывком руки распахнул окно и, не оглядываясь, перемахнул через подоконник в прохладу двора.

Только когда дом скрылся за деревьями, он остановился перевести дух. В кармане что-то завибрировало. Хитрец достал наруч, экран, наконец, засветился мягким голубым светом. На дисплее развернулась подробная карта местности, и пульсирующая красная точка указывала куда-то на восток.

– Включился, родной, – выдохнул Ламаз, ещё не зная, во что это обойдётся. – Ты моё спасение.

Иван застыл перед массивной дверью кабинета. В руке, влажной от пота, он сжимал носитель, на котором хранился файл с записью. Там звучал ад: треск помех, нечеловеческий визг Синтетиков и гулкий голос брата: «Ненавижу эту грязь».

– Входи, – голос из интеркома прозвучал раньше, чем Иван постучал.

Кабинет генерального директора был довольно аскетичным. Стекло и вид на ночной завод, который напоминал гигантский организм из труб и ректификационных колонн, дышащий паром. Вдоль стен располагались стеллажи с образцами руды и старыми бумажными книгами.

Пётр Сергеевич стоял у окна спиной к двери.

– Оставь запись на столе, – произнёс он, не оборачиваясь. – И скажи мне, Иван... Почему координаты, которые ты

передал группе, отличались от реальных на три километра?

Воздух в лёгких Ивана мгновенно стал ледяным. В этом вопросе не было много любопытства, только суровый приговор.

– Ошибка калибровки... – начал тихо он.

– Ошибка, – медленно повернулся директор, держа в руке бокал так, словно собирался раздавить. – Обрати внимание, у тебя глаза твоего брата. И ты лжёшь так же бездарно, как он.

Пётр сделал шаг вперёд.

Иван не дал ему договорить. Рука сама рванула пистолет из-под пиджака так быстро, что Пётр даже не моргнул.

Выстрел оказался даже громче, чем в кино, но тише, чем ожидал парнишка. Пуля ударила директора в грудь. Тот пошатнулся и выронил бокал. Стекло брызнуло по паркету. Пётр Сергеевич осел на кресло, с удивлением глядя на расплывающееся красное пятно на фиолетовом пиджаке почти закрытыми глазами.

– Ты пожалеешь... – прохрипел он, делая последний выдох.

В коридоре громко взвыла сирена. Иван метнулся к двери, но к нему навстречу уже бежали несколько фигур. Охрана «Гербиты» не носила пистолеты, в их руках имелись тяжёлые раструбы промышленных излучателей.

Струя фиолетового пламени ударила в стену рядом с головой Ивана, плавя бетон и краску. Парень нырнул в боковой

проход, сшибая плечом пожарный щит, и влетел в стеклянные двери химвблока. Перед ним развернулись бесконечные ряды столов, пробирки, центрифуги. Здесь никого не было, ибо смена ещё не заступила. В нос же ударил резкий запах аммиака, аж до слёз, до рези в глазах.

Иван сорвал с вешалки первый попавшийся белый халат, натягивая его прямо на бегу. Он был мышью, которая сама загнала себя в лабиринт, и коты уже шли по следу.

Ламаз сначала бежал, но дыхание сбивалось, ноги наливались свинцом, и вскоре он просто перешёл на шаг. Лицо было усталым, напряжённым, в голове варились тысячи мыслей одновременно. В одной руке он сжимал лопатку, которую тихо стянул у соседей, а на запястье мигал гаджет, подтверждая, что он пришёл туда, где должно быть «сокровище».

Место оказалось у самой речки. Воздух пропитался сыростью, деревья скрипели, поддаваясь ветру. Вода у берега колыхалась, будто что-то невидимое осторожно двигало её. Экран устройства показывал, что цель находится прямо под его ногами.

– Я близок к своему часу, – хрипло усмехнулся юноша, тыча лопатой в сырую землю.

Глина хлюпала, как студень из столовки, и с каждым ударом лопаты его голос становился громче.

– Верил в лёгкий успех – не получилось. Не верил – тоже. Жизнь такая штука, что я никто, – сказал мальчик.

Хитрец вонзил железо в землю с такой силой, что рукоять треснула. Ветер усиливался, а небо накапливало гнев.

– Я стою дороже всех вас! Мне плевать, что вы... – махнул он лопатой в сторону невидимых «родаков», – ...бросили меня алкашу, который, извините, кормил меня борщом, а следом поливал грязью. Я боялся ошибаться, сказать что-то не так, но, может, это знак, урок для меня. Или условия, чтобы действовать, дабы скорее изменить свою судьбу.

Гаджет на руке мигнул, подтверждая, что он копает в нужном месте.

– Не всё потеряно, пока я жив, – выдохнул бунтарь. – В меня никто не верит? Я в себя сам поверю. Над моими амбициями смеялись, но разве эти юмористы участвуют в моей жизни теперь? Нет, они просто исчезли. Испарились.

Он тяжело дышал, отбрасывая грязь. Каждое движение отдавалось в плечах болью, но мальчик упорно продолжал.

– А если смысла нет бороться? – пробормотал зеленоглазый, замерев на секунду. – Тогда зачем я живу? Жизнь для меня – это борьба, в которой я обязан победить, дойти до вершины.

Мальчишка откинулся назад, задыхаясь, провёл рукой по лицу, размазывая грязь.

– Но нет... – горько усмехнулся он. – Я покажу вам. Всем вам. Всем.

Куча земли рядом росла, превращаясь в могильный холм. Грязь засохла на одежде коркой, волосы слиплись от пота.

Когда лопата наткнулась на что-то твёрдое, юноша замер.

– А если я умру... – зеленоглазый всхлипнул, внезапно осознав тишину вокруг. – Никто и не вспомнит, правда. В любом случае, я хотя бы попробовал побороться за свою свободу, за себя.

Глина подвела, он поскользнулся и рухнул вниз, ударившись спиной о что-то твёрдое. Боль пронзила рёбра, и мир поплыл.

Ему приснилась лиса, которая гналась за ним, а он убегал, убегал, пока не был поглощён её жадной силой. Зеленоглазый резко открыл глаза, втягивая воздух в лёгкие, будто только что выбрался из-под воды.

– Я живой... – с трудом выдавил Ламаз, чувствуя, как внутри всё дрожит. – Живой...

Юноша лежал на твёрдом предмете, которого даже не видел, около получаса, не в силах осознать, что происходит. Небо было мутным, тяжёлым, словно пыталось наказать его. Он таранился в пустоту, бессмысленно моргая, а потом вдруг начал смеяться, дёргая головой в разные стороны.

– Боже, сколько я стою? – медленно сел хитрец, ощущая боль в теле, но всё равно ухмылялся. – Я докажу, что... Я стою... больше...

Слова быстро застряли в горле, но он облизнул пересохшие губы и хрипло продолжил.

– Зачем ты оставил меня живым? Что ты от меня хочешь? – промолвил юноша, задыхаясь. – Я не хочу быть Ла-

мазом больше никогда.

Тем временем в гараже Трофим, осушив последнюю бутылку, ковырялся под капотом «Волги».

– Корыто вонючее... – зарычал пенсионер, швырнув гаечный ключ в стену.

Когда старик полез под машину, то забыл подстраховать домкрат. Металл над ним хрустнул, как сухарь. Из-под громадины торчала уже расслабленная рука. Ламаз этого не услышал.

Бунтарь упрямо вытаскивал из земли красный яйцевидный предмет, похожий на инопланетный артефакт из дешёвого фильма, ощущая, что правая нога отдаёт болью. В какой-то момент он, наконец, выдернул находку, прижал к себе, но радости так и не почувствовал.

Хромая, он медленно добрался до дома, поставил артефакт на подоконник и замер, почувствовав что-то странное.

Юноша повернулся и пошёл к гаражу. Шаги давались тяжело. Боль стреляла в спину, каждый вдох напоминал о падении. Но когда он увидел сорвавшуюся машину, всё замерло. Ламаз остановился.

– Эй... – позвал он, но никто не ответил.

Его взгляд опустился вниз. Из-под корпуса торчала рука. Трофим не двигался.

Зеленоглазый резко развернулся, не в силах смотреть, и доковылял до брошенной посреди двора тачки. Он рухнул на неё. Внутри воцарилась пустота.

– Что?.. – моргнул Ламаз.

Юноша хотел этого раньше, мечтал, чтобы этот человек исчез. Но сейчас остался он один. Никто не услышит, не поругает, не скажет: "Куда прёшь, дурак".

– Я взрослый теперь... – шёпот сорвался с губ, словно юноша сам не верил в эти слова, но всё же вопрошал свободу.

Время выпало куском плёнки. Были мигалки. И синие, и красные. Люди в форме ходили по двору, что-то мерили, фотографировали, рассматривали, обсуждали, но Ламаз сидел на тачке, глядя в одну точку. Он не слышал вопросов.

К нему подошёл участковый, на нём была дорогая кожаная куртка поверх свитера, а лицо отличалось резкими чертами, какие бывают у наёмников, а не у ментов.

– Вы... Алмаз? – спросил он с сильным акцентом. – Как дела?

Вопрос был настолько идиотским, настолько неуместным на фоне трупa под машиной, что Ламаза передёрнуло. Шок быстро сменился бешенством.

– Пока не родила! – вскрикнул юноша.

Офицер замер, будто только что получил пощёчину от любимой, но только поправил фуражку. Зеленоглазый молча поднял красный артефакт, крепче сжал его в руках и побрёл в дом, даже не оглядываясь.

СЕРИЯ 4

Ламаз стоял перед запотевшим зеркалом, медленно выти-

рая мокрые волосы полотенцем, которое пахло сыростью и старым дедушкиным порошком. Чёрная майка болталась на его худощавом теле, открывая вид на наливающийся чернотой синяк на плече, который был болезненным напоминанием о падении в яму, первым шрамом его новой жизни.

На полке, среди бритвенных станков и зубной пасты, лежал вскрытый артефакт. Его оболочка была разворочена, словно консервная банка, а внутри пульсировал минерал, не просто камень, а сгусток света, кроваво-красный алмаз, в глубине которого, казалось, была заперта энергия умирающей звезды. Чужая сила никогда не спрашивает, зачем ты её берёшь. Она лишь проверяет, выдержишь ли.

– Алмаз... – усмехнулся юноша, глядя на камень, но в его глазах мелькнуло нечто большее.

Он достал из кармана старое серебряное кольцо, которое нашел ещё в детстве в песочнице. Дрожащими пальцами он поднёс красный минерал к пустой оправе, и камень, словно почувствовав дом, с тихим щелчком встал на место, намертво сцепившись с металлом.

Бунтарь надел кольцо. Оно село плотно, и по руке мгновенно пробежала едва заметная волна тепла, успокаивая ноющую боль в мышцах.

– Нет больше Ламаза, – сказал он своему отражению, и голос его прозвучал глухо и ровно. – Ламаз был слабым. Ламаз плакал и кричал. А я – Алмаз. Я сильнее, чем вы все думаете.

За окном, раскалывая небо пополам, полыхнула молния,

на секунду осветив двор призрачным, мертвенно-фиолетовым светом, и следом грохнул гром, от которого задрезжали стекла в рамах.

Иван рубил топориком из пожарного щита толстые пучки кабелей. Искры сыпались на пол, как бенгальские огни, освещая ряды коек, на которых лежали подопытные мужчины с неестественно бледной кожей, чьи вены под ней вздулись густой фиолетовой сеткой, перекачивая синтетический раствор вместо крови. Он отключал подачу реагента, не до конца понимая, спасает он их или убивает, но зная, что оставлять их в руках «Гербиты» в качестве живого оружия было бы преступлением куда более страшным, чем милосердная смерть.

Внезапно стена в дальнем конце зала взорвалась.

В проломе, заслоняя собой свет аварийных ламп, выросла фигура. Это был человек, закованный в матовую чёрную броню, усеянную подсумками и креплениями. Его лицо скрывала глухая тактическая маска, но даже сквозь неё чувствовался, как давит на психику тяжёлый взгляд хищника.

Командир Синтетиков. Лучший боец.

– Сюда... – низкий, хищный голос звучал от наслаждения охотой.

Он пробился сюда не просто так. Он знал короткий путь.

Иван, чувствуя страх, метнулся в боковой проход, ведущий на склад. Он на бегу выхватил украденный у техника смартфон, и его пальцы, скользя от пота, судорожно набира-

ли номер брата.

Командир не спешил. Он шёл следом, позволяя жертве дёргаться, наслаждаясь загоном.

Иван влетел в тёмное помещение склада и упёрся спиной в тяжёлую стальную дверь, блокируя замок.

– Да! – рявкнул знакомый голос, пробиваясь сквозь треск помех.

– Витёк! – заорал Иван, сползая по двери на пол и слыша, как с той стороны к металлу приближаются тяжёлые шаги. – Витёк, это я! Слушай меня!

– Ваня? Ты где?! – голос брата был полон тревоги.

– Я в комплексе! – говорил быстро Иван, захлебываясь словами, понимая, что дверь выдержит ещё пару секунд. – Они выдвигаются! Вся группа Синтетиков едет в Забелье!

– В Забелье? – замолк Витя, переваривая информацию. – Зачем? Мы же там всё зачистили!

– Нет... – прошептал Иван. – Они зафиксировали сигнал. Любая сила оставляет след.

Воздух в секретном цехе был тяжёлым, пропитанным запахом канифоли и озона, который, казалось, исходил не от приборов, а от самого напряжения, висевшего между людьми. Стены были увешаны чертежами, приклеенными прямо на голый бетон скотчем, словно здесь никому не было дела до эстетики, важна была лишь суть. Инженеры представляли собой пёструю толпу, где седые старики с руками нейрохирургов соседствовали с лохматыми программистами

в футболках с принтами мемов десятилетней давности.

В центре этого хаоса стоял манекен с прототипом «Спартанец». Это был не просто костюм, а шедевр технологий. Фиолетово-чёрная броня, усиленная вставками из неизвестного, поглощающего свет сплава, и сплетение искусственных мышц, готовых превратить носителя в живой таран.

Ник, командир Синтетиков, вошёл в цех так, словно уже владел этим местом. К нему тут же подскочил главный инженер, высокий, сутулый мужчина в нелепой розовой рубашке, которая смотрелась здесь как жвачка на асфальте.

– Ник Саныч, – раскинул мужчина руки, демонстрируя броню. – Мы закончили калибровку. «Спартанец» готов к бою.

К ним подбежала девушка-секретарь, цокая каблуками по бетонному полу. Она была бледной, очки сползли на нос, а в руках дрожал планшет.

– Ник... то есть командир, – пропищала она. – Срочное сообщение. Пётр Сергеевич... он мёртв. Убит в собственном кабинете.

Капитан медленно стянул с лица тканевую маску, открывая жёсткие, но обманчиво молодые черты. Тяжеловес посмотрел на броню, потом на перепуганную девушку.

– Мёртв, значит... – протянул он. – Совет директоров в панике?

– Д-да... – кивнула она. – Вице-президент временно перехватил управление. Он... он назначает вас командиром отря-

да Разрушителей. Ваши полномочия не ограничены до конца месяца.

Ник провёл ладонью по нагрудной пластине «Спартанца».

– Разрушители... – удивился капитан. – Теперь я для них не просто командир. Теперь я – Батя.

Он выхватил телефон, быстро набирая сообщение.

Иван прижимался плотнее к стене.

– Витя... – прошептал он в трубку. – Они здесь.

Дверь рухнула внутрь. На пороге появился один из наёмников, лицо которого скрывал зеркальный визор. В руке он держал пистолет с глушителем.

Иван даже не успел зажмуриться. Сухой хлопок выстрела потонул в шуме вентиляции. Телефон выпал из ослабевшей руки, ударившись об пол, но связь не прервалась.

Алмаз вывалился на крыльцо.

Его шатало, как пьяного матроса в шторм. Тучи, как дым от горящих покрышек, закручивались в воронку, а молнии били в землю с такой яростью, будто хотели пришить небо к горизонту.

– Давай... – прохрипел юноша, поднимая руку с кольцом к бушующей стихии. – Покажи мне!

В тот момент, когда вспышка ослепила мир, он почувствовал не удар, а тягу. Электричество не ударило в него, а потекло к нему. Минерал на пальце сработал, как громоотвод, впитывая гигаватты чистой энергии.

Боль была невыносимой и сладкой одновременно. Зелено-

глазого выгнуло дугой, швырнуло вперёд, протаскив по мокрой траве. Каждая клетка тела вибрировала, вены на правой руке вспухли и засветились изнутри ярким светом. Он чувствовал себя живым проводом, через который пропускают ток целой электростанции.

– Ещё! – заорал хитрец, вставая на колени в грязь. – Нам нужно больше силы!

Взгляд бунтаря упал на гараж. Там открылись ворота, где лежала рухнувшая «Волга», придавившая того, кто был его единственной семьёй. Металл машины светился в его новом зрении, притягивая взгляд.

– Гори... – выдохнул Алмаз.

Он не целился. Юноша просто позволил силе, скопившейся в кольце, найти путь наименьшего сопротивления. С пальцев сорвалась дуга, и молния ударила прямо в бензобак осевшей машины.

Гараж, пропитанный парами бензина и старого масла, вспыхнул мгновенно, как сухой лист. Огонь взревел, пожирая доски, шифер и металл. Пламя обняло «Волгу», превращая её в погребальный костёр для Трофима.

Алмаз стоял под проливным дождём, глядя на бушующий пожар. Огонь отражался в его расширенных зрачках. Он не смеялся. Он смотрел, как сгорает его детство, обиды и прошлая жизнь.

– Я победил тебя, – тихо сказал хитрец, сжимая дымящийся кулак. – Долгов больше нет.

Дверь кофейни «Султан» взорвалась от удара. Витя Топор влетел в зал, неся на себе запах гари и смерти. Его лицо было не просто бледным, а посерело, превратившись в маску застывшего ужаса, а в глазах плескалась чёрная, безумная ярость.

– Они едут... – выдохнул мужчина. – Иван... Они убили Ивана. Все в Забелье. Живо!

Надира, мгновенно считав его состояние, вскочила, опрокинув чашку. Она не задавала вопросов. Её пальцы сомкнулись на широком запястье механика, и через секунду кофейню озарила вспышка телепортации, оставив после себя лишь пляшущие пылинки и запах жжёного воздуха.

Они появились на берегу речки, у разрытой ямы.

Земля вокруг была выворочена наизнанку, словно гигантский крот в панике искал выход. На краю отвала, полузасыпанный глиной, лежал гаджет Алмаза.

Из темноты, сминая кусты, выполз чёрный, бронированный грузовик без номеров. Он замер, осветив фигуру Вити дальним светом. Из кабины выпрыгнули двое Разрушителей.

Один был в броне цвета ночи с фиолетовыми швами-индикаторами, напоминая ходячий дот. Второй – в синем цифровом камуфляже, двигался мягко и бесшумно.

– Гражданские, покинуть... – начал Разрушитель, поднимая оружие.

– За брата! – рёв Топора заглушил шум ветра.

Красный топор, гудящий от перегрузки встроенного ге-

нератора, описал дугу. Его удар пришёлся точно в стык шейных пластин бронированного гиганта. Фиолетовая искра брызнула фонтаном, осветив перекошенное лицо механика. Броня хрустнула, и Разрушитель рухнул на колени, вбитый в землю чудовищной силой удара.

Второй боец достал автомат, но Надира возникла из ниоткуда рядом с ним. Сияющий клинок в её руке был быстрее пули: один взмах, и противник слёг, хватаясь за горло.

Света рухнула с небес, приземлившись в позу бойца. Её новый костюм, сотканный из светло-жёлтого света, сиял во тьме, разгоняя мрак, а меч в руках гудел, вибрируя в унисон с её нервами.

Витя, тяжело дыша, выдернул топор из тела врага и поднял с земли гаджет.

– Пусто... – прохрипел он, глядя в яму. – Кто-то выкопал минерал.

– Он? – предположила Света, оглядываясь.

– Уже не важно, – развернулся к дороге Витя, откуда доносился нарастающий гул колонны. – Главное, что они заплатили за билет в один конец.

Ник вышел из бронемшины. Он плавно потянулся, разминая свои плечи. За его спиной, с тихим гидравлическим шипением, раскрывались сегменты «Спартанца». Механические лапы-манипуляторы, похожие на конечности паука, фиксировали бронепластины на его теле, подключаясь к нервным узлам.

Взгляд капитана скользнул по горящему вдали гаражу.

От пожарища вырвался дикий разряд молнии, который не был нацелен на Ника, но прошёл достаточно близко, чтобы сенсоры костюма взвыли от перегрузки.

– Ого... – улыбнулся Ник, чувствуя, как иглы интерфейса впиваются в кожу, сливая его тело с машиной. – А вот и наша батарейка. Кажется, кто-то решил поиграть с розеткой.

К реке подкатили ещё два грузовика, их борта откинулись. Из кузовов посыпались Синтетики, безликое пушечное мясо для своих хозяев. Но за ними вышли двое Разрушителей с химическими огнёмётами.

– Газовщики... – прорычал Витя. – Ну, подходите. Я вам сейчас устрою утечку.

Разрушители открыли краны, и струи фиолетового геля, шипя и разъедая воздух, ударили в сторону сопротивления. Надира выставила щит, но фиолетовое пламя растеклось по нему, пытаясь найти брешь. Жар стал уже невыносимым.

Витя вскинул свой топор-пулемёт, поливая врагов разрывными, но пули вязли в силовых полях огнёмётчиков.

Света расправила крылья, готовясь взлететь для атаки сверху, но вдруг замерла.

Её голову пронзила острая, резонирующая боль. Где-то совсем рядом, за пеленой огня и дыма, горела сила. И эта сила была зеркальным отражением её собственной, словно кто-то включил второй маяк в тёмном море.

– Света, прикрой фланг! – заорала Надя.

– Я не могу! – крикнула воительница, уже отрываясь от земли.

Не слушая проклятий Вити, она рванула в небо, оставляя за собой след из золотых и жёлтых искр, направляясь навстречу алому зареву.

Мысли Ника прервал светло-жёлтый луч. Удар пришёл сбоку, заставив его напрячься. Рядом с треском приземлилась Света.

Они замерли друг напротив друга, зазвенела секунда тишины перед бурей, когда слышно только треск огня и гудение сервоприводов. Взгляд Светы был жёстким, но Ник лишь усмехнулся под маской, читая её траекторию ещё до начала удара.

В следующую секунду девушка рванулась вперёд. Её меч полоснул воздух со свистом, но капитан успел подставить запястье, металл его костюма принял удар меча, высекая искры. Резким движением он выбил клинок из её рук, и меч отлетел в сторону. Не давая воительнице опомниться, главарь толкнул девушку в грудь, отшвырнув назад.

Она попыталась телепортироваться, но командир оказался быстрее. Его нога взметнулась снизу, ударив под рёбра, а затем второй удар сверху обрушился с такой силой, что одноклассница подлетела в воздух. Света рухнула в старый сарай с пшеницей, пробив стену. Зерно вспыхнуло от искр её крыльев, огонь быстро охватил сухие стебли, и едкий дым поднялся к небу. Пшеница горела и пахла попкорном.

– Слишком лёгкая, – процедил Ник, даже не сбив дыхание. – Пока она там жарится, займусь главным блюдом.

Командир присел, сжимая пружины экзоскелета, и выстрелил собой в воздух. Прыжок был неестественно высоким, он приземлился после короткого полёта так тяжело, что оставил в размокшем грунте глубокие вмятины.

Алмаз стоял неподвижно на фоне пожара.

В этот момент ветер разогнал тучи, и холодная луна залила двор мертвенным светом, превращая сцену в гротескную театральную постановку: чёрный гигант из стали и худой подросток в великоватом плаще деда.

– Откуда в этом дрище столько энергии? – пронеслось в голове у Ника, пока его тактический интерфейс сканировал парня, отмечая зашкаливающие показатели тепловыделения.

Мальчик внешне держался, но его тело предавало хозяина: колени мелко дрожали, а дыхание вырывалось рваными облачками пара. Он чувствовал смерть, исходящую от Ника, и ауру убийцы, для которого жизнь человека стоит дешевле патрона.

Пытаясь заглушить страх, Алмаз вытянул руку вперёд. Синий, трескучий поток молний, напитанный яростью и отчаянием, сорвался с кончиков пальцев, ударяя в грудь гиганта.

Ник даже не замедлился, он разбежался и врезался в юношу плечом с такой силой, что тот отлетел назад, прямо в объём

ятый пламенем гараж.

Боль была такой, что мир мгновенно схлопнулся в одну чёрную точку. Хруст собственного позвоночника прозвучал громче взрыва. Правая рука была вывернута под неестественным углом.

Глаза Алмаза закатились, а сознание покинуло изувеченное тело, проваливаясь в бред.

Ему привиделось, что деревня уже сгорела. Пепелище до самого горизонта. А над руинами стоит Ник, на его руках пылает фиолетовый огонь, вычерчивая в небе три зловещие звезды. Люди в окнах домов не кричат, они просто тают, превращаясь в одинокие тени.

Придя в сознание, мальчик почувствовал, как холод «зашивает» его раны. С мерзким треском кости начали вставать на место. Сломанная рука выпрямилась, разрывая и сращивая мышцы заново. Позвонки щёлкнули, сцепляясь в единый стержень.

Из огня, шатаясь, вышел бунтарь. Его глаза горели ровным красным светом, в котором не осталось ничего прежнего.

Ник, который уже развернулся, чтобы уйти, замер.

– Да ладно... – пробормотал капитан, глядя, как мальчишка, которого он только что сломал пополам, делает шаг.

Света, выбравшись из горящего зерна, не стала тратить время на передышку, а, расправив крылья, взмыла вверх и, зависнув на долю секунды, обрушила на командира Разру-

шителей луч света. В ту же секунду Алмаз, чьё тело всё ещё дымилось после регенерации, инстинктивно подхватил ритм атаки и послал в ту же точку ветвистый разряд молнии.

Командира, несмотря на массу его экзоскелета, протащило по грязи несколько метров от двойного удара, нагрудная пластина его брони раскалилась до вишнёвого свечения.

Воительница шагнула к бунтарю, встав рядом. Она видела его красные глаза, но не могла понять, что с ним творится.

Алмаз, почувствовав, как адреналин сжигает остатки страха, решил, что враг уязвим.

– Я могу быстрее... – прошептал зеленоглазый, и мир вокруг него растянулся в вязкую субстанцию.

Он сорвался с места, пытаясь уйти в сверхскоростной рывок, но не учёл того, что его мозг ещё не научился обрабатывать картинку на такой скорости. Пейзаж смазался в цветные полосы, его тело пронеслось мимо цели. Инерция швырнула хитреца в сторону, он кубарем покатился по земле, поднимая тучу пыли, пока не врезался в остов сгоревшего трактора.

Ник лишь презрительно хмыкнул, видя эту жалкую попытку.

Надира держала оборону, но её световой щит сейчас шёл трещинами, прогибаясь под струями фиолетового напалма, который изрыгали огнемёты Разрушителей. Жар стоял такой, что вода у берега начинала закипать.

Синтетики, стоявшие на возвышении, сбросили плащи,

явив миру своё истинное уродство. Их тела были раздуты, кожа натянута до разрывов, а из грудных клеток, разрывая плоть, с металлическим скрежетом выдвигались стволы биомеханических орудий.

С каждым выстрелом эти существа старели на глазах: их кожа обвисала складками, волосы выпадали клочьями, превращая могучих монстров в дряхлых стариков.

Витя Топор, понимая, что щит долго не выдержит, метнул своё оружие. Красный топор снёс голову ближайшему огнёмётчику, но в этот момент «живые пушки» дали слитный залп.

Взрывная волна ударила в барьер Надиры. Щит лопнул со звоном разбитого стекла, и женщину отшвырнуло назад, прямо в воду реки.

Мужчина остался один против толпы. Боец в синем камуфляже бросился на него, замахиваясь кастетами. Витя принял удар на себя. Там, где металл коснулся его кожи, эпидермис мгновенно затвердел, превращаясь в рубиновую, кристаллическую корку, способную выдержать давление пресса.

Витя перехватил руку врага, второй рукой поймал вернувшийся топор и, вложив в удар всю ярость, снёс Синтетику половину черепа.

Один из Разрушителей, видя, что другие солдаты выдыхаются, запрыгнул на холм к «артиллерии». Он схватил дряхлеющего, хрипящего Синтетика за горло и одним рывком вырвал встроенную пушку прямо из его груди вместе с кус-

ками проводов.

– Витя! – крик Надиры перекрыл шум боя. – Уходи! Свете нужна помощь! Я их задержу!

Надира телепортировалась к нему, на долю секунды коснулась плеча, передавая импульс переноса, и Витя исчез, оставив на песке лишь выжженный след.

Витя выпал из вспышки прямо посреди поля, где Ник готовился добить Алмаза.

Его топор в руке начал трансформироваться: рукоять удлинилась, лезвие раздалось вширь, обрастая дополнительными сегментами.

– Эй, Батя! – рявкнул механик, привлекая внимание гиганта. – А ты алименты заплатил?!

Немедля мужчина бросился на Ника и начал атаковать его быстрее, чем тот мог отреагировать. Девушка тоже бросилась на главаря.

Алмаз, наблюдая за этим танцем смерти, решил снова попытаться войти в сверхскоростной режим. Его тело сорвалось с места, разрывая воздух хлопком, но неопытный разум снова не справился с инерцией, его занесло на повороте, и юноша, пропахав носом землю, вылетел в поле, где и рухнул, выпустив от досады шальную молнию, которая лишь бесполезно опалила траву у ног командира.

Витя и Света, казалось, начали пересиливать Ника. Их удары сыпались градом, но капитан напрягся и подпрыгнул невероятно высоко, словно его подбросила неведомая сила.

Главарь приземлился с грохотом. Его глаза загорелись фиолетовым, спинной мозг и минерал в нём под костюмом засветились тем же зловещим светом. Воительница попыталась взлететь, её крылья расправились, но Ник рванулся вперёд.

– Отведай силушки богатырской! – прогремел голос капитана, полный уверенности.

Резкий удар отбросил девушку в сторону, она рухнула на землю, едва успев смягчить падение. Сквозь дым она заметила Алмаза, бегущего вдали. Не раздумывая, она телепортировалась к нему. Её рука схватила его за плечо, и в следующий миг они оба исчезли в золотистой вспышке. Они оказались на другом конце деревни, в незнакомом поле, окружённом высокой травой и кустами.

– Сиди тихо! – крикнула одноклассница ему и вернулась в эпицентр боя.

Мужчина, оставшись один против Ника, сжал свой топор. Оружие вспыхнуло рубиновым светом и выросло до трёх метров, мужчина применил ультразаряд, который носил название «Рубиновая скорбь огня». С рыком он обрушил его на Ника так, что удар сотряс землю, а сверху посыпались осколки рубинов. Мужчина заставил топор вращаться, создавая воронку из камней и энергии. Его силы были на пределе, кожа начала покрываться рубиновой чешуёй, трескаясь от напряжения.

Света, вернувшись, подняла меч и пошла атаковать. Но

Ник вырвался из воронки, словно медведь, выламывающий деревья. Он бросился на Витю, сбил его с ног мощным ударом и развернул так, что топор случайно врезался в девушку. Её отбросило назад, она покатилась по земле.

Механические захваты «Спартамца» со щелчком зафиксировали руки Вити, не давая ему пошевелиться. В ладони командира, словно по волшебству, возникла сфера.

– Отведай-ка силушки... инженерной, – усмехнулся Ник, прижимая устройство прямо к груди Вити.

Сфера начала высасывать силу его минерала: рубиновые кристаллы с его кожи и энергия топора втягивались внутрь устройства, растворяясь в серой жидкости.

– Нет... – прохрипел Витя, чувствуя, как жизнь покидает тело вместе с силой.

Когда последняя капля перетекла в сферу, Ник сжал кулак и коротким ударом пробил грудную клетку механика, лишённую теперь всякой защиты. Хруст ребёр потонул в гуле битвы. Глаза Вити остекленели мгновенно.

На другом конце поля боя, у реки, Надира вдруг остановилась. Она схватилась за сердце, чувствуя, как внутри оборвалась толстая струна.

Воспользовавшись заминкой, последний Разрушитель замахнулся, но Надира, даже не глядя, метнула в него нож, который точно вошёл в глазницу, взорвав голову врага изнутри всплеском тени.

Она исчезла, появившись через мгновение рядом со Све-

той.

– Нет... – прошептала Света, крылья за её спиной начали гаснуть, рассыпаясь искрами. – Из-за меня... Он ударил... И открылся...

Ник бросил через спину последний взгляд на скорбящих. Добивать девчонок он не захотел сегодня, да и датчики костюма показывали перегрев.

– Всего хорошего, – бросил капитан.

Командир присел и, активировав ускорители на полную мощность, свечой в прыжке ушёл в ночное небо, оставив после себя лишь след в земле.

Алмаз вышел на дорогу посреди поля. Он поднял взгляд к луне и звёздам, их свет отражался в его красных глазах.

– Один в поле – воин... – тихо произнёс мальчик, опустив глаза на алмаз в руке. – Ты же светился.

Он побрёл к дому. Хромота почти прошла, регенерация делала своё дело, но тело ныло от усталости.

Двор встретил его запахом гари. Гараж превратился в чёрный, дымящийся провал, похожий на гнилой зуб, вырванный из десны земли. Забор лежал в грязи, а земля вокруг была изрыта так, словно здесь танцевали великаны.

СЕРИЯ 5

Зеленоглазый перешагнул через обугленную доску и вошёл в дом. Внутри было тихо и холодно. Сквозняк гулял по коридору через выбитые стёкла, шевеля занавески.

Юноша прошёл в ванную, скинул грязную, пропитанную потом и гарью одежду, и встал под душ. Вода была ледяной, потому что бойлер сдох ещё месяц назад, а чинить его было некому, да и не на что. Холод обжигал кожу, смывая кровь и грязь, но не мог смыть то, что засело внутри.

Выйдя, он вытерся жёстким полотенцем и встал перед зеркалом в коридоре. Лампочка под потолком нервно мигала, угрожая перегореть с минуты на минуту.

– За свет платить нечем... – усмехнулся хитрец своему отражению, в котором видел уже не школьника. – В руке у меня сила, способная сжигать целые города, а в кармане всего лишь дырка от бублика. Великий властелин нищеты, называется.

В дверь забарабанил кто-то. Алмаз нахмурился, натянул штаны и рванул дверь на себя.

На пороге, качаясь, как маятник, стоял сосед-алкаш. Лицо распухшее, глаза мутные, одежда пахнет старым табаком. Он даже не смотрел на Алмаза, он смотрел сквозь него, вглубь коридора.

– Трофим выйдет? – просипел он, хватаясь грязной рукой за перила. – Дело есть... Труба горит...

– Нет его, – тихо сказал Алмаз. – И не будет. Вали отсюда.

– Да ладно тебе, внучок... – попытался алкаш переступить порог, наваливаясь всем весом. – Позови старого, скажи, что трубы горят там у меня...

Лампочка над ними мигнула и лопнула, осыпав пол

мелкими осколками. В наступившей темноте глаза Алмаза вспыхнули двумя красными углями. Он резко выдохнул, и с его правой руки, с лёгким змеиным шипением, сорвалась яркая молния.

Она ударила в стену, мгновенно обуглив дерево.

Сосед протрезвел за долю секунды. Он отпрыгнул, споткнулся о собственные ноги и кубарем скатился со ступенек.

– Чёрт! – заверещал он, пятась на карачках по грязи. – Ведьмак! Глаза у него горят!

Он вскочил и, смешно дрыгая ногами, рванул в темноту, прочь от этого проклятого дома, бормоча что-то про демонов и белочку.

Алмаз схватил стоявший у двери веник и с силой швырнул его в темноту коридора. Черенок ударился о стену, сбив остатки стекла из рамы. Звон осколков прозвучал финальным аккордом истерики.

Он прислонился спиной к стене, пробуждая свою память.

Ему двенадцать. Он чихает, перебирая коробки на чердаке. Дед внизу гремит инструментами.

В руках кассеты с гнусавым переводом: «Терминатор», «Робокоп». Миры, где сильные парни с пушками решают все проблемы. А рядом лежала старая книга в потрёпанном переплёте, выпавшая из кипы макулатуры. Она раскрылась на случайной странице, и взгляд зацепился за фразу, подчёркнутую чьим-то ногтем: «То, что отнято у тебя, становится твоим оружием. Пустота в ножнах режет острее стали».

– Хватит там пыль гонять! – прогремел голос деда внизу. – Спускайся, жрать давай!

Алмаз мотнул головой, прогоняя наваждение. Этот момент застрял в памяти, и теперь, глядя на свои руки, он осознал: эти силы не могут быть случайностью. Зеленоглазый пошёл в зал, открыл шкаф, выудил чёрную рубашку, в которой ходил в школу. Рукава у неё болтались, как у кимоно из аниме. Её когда-то зашила соседка, что жила под бугром, добрая тётка, вечно штопающая всё подряд.

Юноша натянул рубашку, порылся в шкафу в поисках школьной жилетки, ибо хотел выглядеть «по-деловому», как герой из тех кассет. Но вспомнил, что жилетку он отдал той же соседке после выпускного, на какие-то «материалы».

– Предприниматель от бога, – горько усмехнулся зеленоглазый своему отражению в тёмном стекле окна. – Ладно. И так сойдёт. Для начала.

Подвал кофейни «Султан» тонул в полумраке, который, казалось, просачивался из самих стен. На ринге, освещённом единственной тусклой лампой, стояла Света, чьи движения потеряли былую лёгкость, превратившись в серию рваных, пропитанных злостью выпадов. Одноклассница налетала на наставницу снова и снова, пытаясь заглушить тот вой, что стоял у неё в голове.

Но Надя, сохраняя спокойствие, лишь мягко уходила с линии атаки, в какой-то момент резко крутанув глефу и древком ударив ученицу между лопаток.

– Ещё! – выдохнула Света, разворачиваясь на пятках.

– Ты не тренируешься, ты наказываешь себя, – заметила Нада, отбрасывая со лба мокрую прядь волос. – Думаешь, если убьёшься здесь, Вите станет легче?

Света ничего не ответила и бросилась в новую атаку, вкладывая в удары всю горечь потери, всю ненависть к себе за то, что выжила. Удар был такой силы, что Надире пришлось выставить блок, и её отбросило к стене так, что она сбила с полки старые банки с краской.

– Всё, – бросила воительница.

Меч в её руке сжался в тонкую нить и погас. Девушка развернулась и, не прощаясь, направилась к лестнице.

В лабораторию «Гербиты» вошёл Ник. На нём не было брони, а лишь дешёвый, растянутый свитер с надписью «Курск», купленный в придорожном ларьке, который на его мощной фигуре смотрелся довольно нелепо.

Он небрежно швырнул на стол заведующего сферу с рубином.

– Принимай работу, – голос Бати гулко отразился от кафельных стен.

Его взгляд скользнул в угол помещения, где на металлической кушетке, опутанная трубками капельниц, лежала девушка. Она была миниатюрной, но её грудная клетка была вскрыта, и вместо ребёр там виднелся сложный механизм из хрома, напоминавший внутренности часового механизма, вживлённого в живую плоть.

– И что это за Франкенштейн такой? – скривил губы Ник, разглядывая торчащие из её плеча приводы. – У нас закончились солдаты, и мы теперь делаем терминаторов из школьниц?

Программист, сидевший за мониторами, даже не обернулся, продолжая выбивать дробь на клавиатуре, лишь махнул рукой, давая понять, что проект утверждён свыше.

Алмаз проснулся, чувствуя себя мешком картошки. Рядом с ним валялась книга «Мечта интроверта», которую он читал до полуночи, пока не вырубился. Мальчик уставился в чуть пожелтевший потолок, будто там был ответ на все вопросы.

– Боже, – пробормотал он. – Я просил когда-то тебя освободить от этого тирана. И ты услышал меня. Я свободен. Но почему у меня внутри чувство пустоты, бессмысленности происходящего.

Хитрец медленно поднялся, кряхтя, как старик после смены на заводе.

– Жизнь такая штука, – продолжал он, обращаясь к самому себе. – Мечтал об исчезновении деда, а теперь я не помню, какие у меня есть ещё мечты. Почему удовольствие такое мимолётное, а путь к ним лежит через три горы?

Алмаз потащился к шкафу, открыл дверцу и вытащил рубашку, которую мерил вчера. Рядом висела жилетка, не та деловая, что он отдал соседке, а какая-то странная, длинная, широкая в плечах, будто для неё шили погоны генерала. Пу-

говиц не было, рукавов тоже, только разрез, как у кимоно.

– Я такой красивый буду, – спокойно сказал он и выдернул свежий пояс, который завязал поверх рубашки и жилетки.

Мальчик натянул свои штаны, что берёт для института, хотя и не знал, дойдёт ли до него, и встал перед зеркалом, будто только что выиграл в лотерею.

Из зазеркалья на него смотрел не забитый подросток, а странный персонаж с растрёпанными волосами, мешками под глазами и одеждой, которая превращала его в героя бюджетного косплея. Но в красных глазах, вспыхнувших в полумраке, читалось безумие, смешанное с восторгом.

– Алмазик, ты красавчик, – прошептал бунтарь, растягивая губы в улыбке, от которой стало бы не по себе случайному зрителю. – Ты теперь сам за себя.

Зеленоглазый схватил катану и принял картинную позу, которую видел в сотне тайтлов.

– Люби себя сам, – сказал он своему отражению. – Потому что больше тебя любить и некому.

Зеленоглазый ввалился в свою спальню, всё ещё в кимоно, но замер на пороге. На его продавленном диване сидела Света в чёрной кофточке и обтягивающих чёрных штанах, будто сбежала с тренировки по йоге. Он молча уставился на неё, а потом осторожно положил катану на стол.

– Дверь, я так понимаю, для тебя просто декорация? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но предательская дрожь выдавала волнение. – Привет.

– Привет, – улыбнулась Света, но улыбка эта не коснулась её глаз. – Классный прикид. Решил податься в монахи Шаолиня?

Она откинулась на спинку дивана, закинув ногу на ногу с той нарочитой небрежностью, которая обычно скрывает сильнейшее напряжение.

– А насчёт костюма, – начал зеленоглазый. – Одеваться – это целая наука, я не спец в этом.

– Это базовые вещи, – удивилась воительница. – Как этого можно не уметь?

– Я умею другое, – перебил Алмаз, размахивая руками. – Молнии пускать. С того света возвращаться. Копать. Драться. Продолжить список?

– От одиночества совсем с ума сошёл, – кивнула девушка головой. – Соболезную по поводу деда, не увидел тебя нового, совсем другого.

У бунтаря было в сердце возмущение, а в голове непонимание. Разве для Алмаза одиночество – это бремя? Его опыт показывает, что переживаемое им состояние больше похоже на другую форму жизни, но юноша верил в силу отчуждения.

– Покажешь, как этой штукой пользоваться? – резко поменял тему он, показывая на кольцо.

– Ты не понимаешь, во что влез, Алмаз, – её лицо мгновенно стало серьёзным. – За эти камни не просто убивают. За них стирают в порошок целые города. Это тебе не «королевская битва» на сервере, где можно начать катку заново.

Здесь нет респана.

– Если не возьмёте в команду, – расхохотался мальчик, откинув голову, но тут же почесал шею, как будто искал, за что уцепиться. – Не беда. Одиночество – просто привилегия тех, кто может смотреть глубже.

– Вити больше нет, – улыбка воительницы погасла. – Того, что был с топором. Вместе с ним исчезло ощущение, что кто-то всегда прикроет спину.

– Того самого, – отвернулась одноклассница к стене, где висел старый ковёр. – И теперь нас осталось мало. Я, Надира и ты. Если ты, конечно, не сбежишь, когда поймёшь, что это не игра.

– А с кем мы воюем-то? – привстал Алмаз, чувствуя, как ноги снова становятся ватными. – Ты так и не сказала. Ради чего это всё?

– Я сама толком не знаю, – призналась одноклассница, и в этом признании было больше страха, чем в любой угрозе. – Мы просто держим район. Защищаем то, что осталось, от таких, как Ник.

– Похоже на развод, – хмыкнул зеленоглазый. – Тебя и меня втянули в чужую войну, не объяснив правил. Мы просто пешки, расходный материал за идею.

– Я тоже так думала, – резко встала девушка, поправляя кофту, под которой угадывались очертания скрытого оружия. – Пока они не убили Витю. Теперь это личное.

Света подошла к нему вплотную. От неё пахло гарью и до-

рогим шампунем, что было диким сочетанием войны и мирной жизни.

– Они отдыхают за «Племяшей», – сказала воительница, глядя ему в глаза. – Синтетики и их хозяева. Мне нужна помощь. Пойдёшь?

– Я хотел потренироваться, поэтому я согласен, – начал было хитрец, но, увидев её взгляд, кивнул. – Сходим.

Девушка резко схватила хитреца за руку, и в следующую секунду они уже стояли за двухэтажной гостиницей «Племяша», которая выглядела так, будто это переделанная узкая шарага.

– Она ещё работает? – удивился бунтарь, оглядывая этот памятник придорожной тоске. – Я думал, её закрыли, когда дальнобойщики перестали сюда ездить.

– Работает, куда она денется, – прошептала одноклассница, пригибаясь за кустами шиповника. – Крыша для бандитов, ночлежка для шлюх. И идеальная база для тех, кто не хочет светиться.

– Ты уверена, что нас не ждут? – пробурчал Алмаз, поправляя сползающий пояс. – Выглядит как мышеловка.

– Хватит ныть, – шикнула на него девушка. – Смотри туда. На парковку.

– Да что я там увижу... – начал он, но осёкся.

На заднем дворе стояли чёрные грузовики. И люди, которые выгружали из них ящики с пивом и тяжёлые кофры, похожие на гробы для очень больших людей.

СЕРИЯ 6

Света и Алмаз, пригибаясь, скользили вдоль стены гостиницы, стараясь слиться с тенями, как пара бродячих котов, чующих опасность. Они прошли буквально в метре от группы зрителей, и какой-то мужик в растянутой майке лениво скосил на них мутный взгляд, но тут же потерял интерес, вернувшись к банке тёплого пива.

У главного входа, под мигающей вывеской дежурили два Разрушителя, которые стояли неподвижно, сжимая в руках тяжёлые штурмовые винтовки, и их вид в этом захолустье казался настолько неуместным, словно инопланетяне высадились посреди колхозного рынка.

А на площадке перед трассой творилось безумие. Толпа местных мужиков рассаживалась за длинные, шаткие столы, вытасенные из столовой. Они надевали на лица громоздкие VR-очки, подключаясь кабелями к пультам управления.

Брезент, укрывавший технику, с шипением сполз. Это были не футуристические болиды. Это были «Жигули»: «Пятёрка», «Семёрка», ржавая «Копейка». Но они выглядели так, будто их пересобрал безумный инженер, потому что их капоты были вздуты от переплетения трубок, а из багажника «семёрки» с лязгом выдвинулся блок самодельных ракет, мигающий красными диодами.

– Киберпанк, который мы заслужили, – прошептал Алмаз, глядя, как у «пятёрки» вдоль бортов выдвигаются вращаю-

щиеся лезвия. – Я ставлю на классику. У неё клиренс выше.

– Зануда, – фыркнула Света, в её глазах читалось чистое напряжение.

Рядом с Разрушителями стояла женщина. На вид, обычная сельская тётка, лет сорока, с завязанным хвостом и обветренным лицом, но было в её позе что-то властное и холодное, словно она смотрела не на гонки, а на бега.

– Кто это? – одними губами спросил хитрец.

– Не знаю, – сунула руку в карман воительница и вытащила перемотанную изолентой рацию. – Держи. Связь односторонняя, но лучше, чем орать.

Одноклассница вложила тяжёлый «кирпич» ему в ладонь.

– Жди здесь, я обойду с тыла, заминирую головную машину и устрою им фейерверк, – сказала Света и исчезла.

– Приключение, блин... – пробормотал мальчик, чувствуя, как внутри закипает смесь страха и азарта. – Лучше так, чем гнить в пустой комнате с призраками.

Вдруг один из Разрушителей у входа повернул голову. Алмаз понял, что сейчас его засекут. Нужно было срочно исчезнуть.

Алмаз, не раздумывая, использовал свою новую силу, но скорость сыграла злую шутку, поэтому юноша влетел в холл пульей, не успев затормозить и с грохотом врезался плечом в стойку администратора, сбив с неё пластиковый цветок в горшке.

Зеленоглазый метнулся в ближайшую дверь с табличкой

«М/Ж». Забежал в кабинку, встал ногами на унитаз, затаив дыхание.

Дверь туалета скрипнула. Тяжёлые армейские ботинки застучали по кафелю. Разрушитель шёл медленно, проверяя каждый угол. Сердце бунтаря колотилось так, что казалось, этот звук слышен на улице. Вдруг враг остановился напротив кабинки.

Алмаз перемахнул через перегородку и свалился прямо на голову солдату.

В тесном пространстве туалета молния ударила Разрушителя в шлем, замкнув электронику визора. Солдат зарычал, отшатнулся, врезаясь спиной в раковину. Зеркало над умывальником лопнуло, осыпав их дождём из осколков.

Хитрец приземлился на мокрый пол, поскользнулся, но тут же использовал это. Он снова ускорился.

Молния с его руки хлестнула ещё раз и по автомату, нагревая металл докрасна. Разрушитель, взыв от ожога, выронил оружие. Боец сорвал с себя дымящийся шлем. Под ним оказалось обычное человеческое лицо, перекошенное яростью, но с налитыми кровью глазами.

Юноша перехватил оружие и обрушил на врага серию быстрых ударов прикладом по лицу. Противник резко пошатнулся, кровь брызнула из его разбитого носа. Зеленоглазый схватил врага за шею, еле живого, и с силой впечатал головой в унитаз. Керамика звонко треснула от удара.

Зеленоглазый отступил к двери, сжимая автомат крепче.

Выстрел из оружия прогремел громко, пуля разнесла кабинку в щепки. Взрыв отбросил куски пластика и металла, на Алмаза попали капли крови. Он вздрогнул, чувствуя их тепло на коже, но промолчал, лишь тяжело дыша.

Бунтарь вышел в коридор, оставляя за спиной разгромленный туалет, где в луже воды и крови остывало тело врага. Он потянулся к ручке двери, ведущей в холл, но та распахнулась сама, и на пороге возникла та самая женщина с гонок.

Внезапно её кожа пошла рябью, словно под ней закипела вода, и начала менять цвет, приобретая болотно-зелёный, глянцевоый оттенок чешуи. Лицо вытянулось, нос провалился, превращаясь в две щели, а глаза, потеряв белки, стали жёлтыми, с вертикальными зрачками хищника. Из рта, усеянного иглами зубов, вырвался раздвоенный язык.

Она плюнула, и кислотный сгусток полетел прямо в Алмаза. Он поднял руку, готовый выпустить молнию, но не успел, ибо кислота ударила в предплечье. Рука задымилась, кожа начала пузыриться и растворяться с отвратительным звуком, похожим на шипение раскалённого масла.

Температура вокруг упала, дыхание вырывалось плотным паром. Кислота продолжала разъедать его плоть, обнажая мышцы, но процесс замедлился. Кожа начала восстанавливаться, его лёд с треском затягивал рану. Юноша сжал зубы, привстал на одно колено и выпустил молнию, яркий разряд с треском устремился к змее. Она даже не дрогнула: её одежда поглотила удар, ткань заискрилась, но осталась невреди-

мой. Чем больше кислоты стекало по телу Алмаза, тем слабее становились его атаки, а молнии гасли в воздухе, не долетая до цели.

Хитрец смог отскочить назад и прицелиться из автомата, напрягая всё тело. Фиолетовый выстрел вырвался вперёд и пробил ей плечо. Зелёная кровь брызнула, шипя на полу. Женщина-змея резко выбросила вперёд удлинившуюся конечность, схватила Алмаза за лодыжку когтистой лапой и с нечеловеческой силой швырнула его через весь коридор.

Он пролетел метров пять, своим телом выбив двустворчатую дверь подсобки. Доски разлетелись в щепки, и зеленоглазый рухнул в кучу опилок и старой ветоши, подняв облако пыли.

Он вскочил мгновенно, отряхиваясь. Холод внутри него разрастался, превращая кожу в ледяную броню.

– Ты видела? – заорал мальчик в рацию, перекрывая треск помех. – Тут рептилоид! Плюётся кислотой! Я её не пробую сам!

Света выскочила из укрытия. Прямо на неё неслась «пятёрка» с шипами, которые несли погибель. Девушка не стала уклоняться, она расправила крылья, усиливая себя энергией, и встретила машину жёстким блоком.

Воительница перехватила машину за стойку крыши, раскрутила её вокруг своей оси, используя инерцию, и, как молотобоец на Олимпиаде, запустила снаряд в фасад гостиницы.

Тонна металла пролетела по дуге и с грохотом врезалась в крыльцо, погребая под собой двух синтетиков, не успевших отскочить. Кирпичная кладка брызнула осколками, пыль скрыла вход.

– Держись, иду! – бросила она в рацию, уже телепортируясь внутрь.

Змея вырвала кусок стены, расширяя проход, и ввалилась внутрь, заполняя собой пространство. Алмаз метал в неё молнии, но тварь лишь отражала разряды, которые стекали с её чешуи, не причиняя вреда. Когтистая лапа сомкнулась на его горле.

Хитрец захрипел, чувствуя, как кислота с её ладони начинает прожигать его ледяную защиту. В нос ударил запах горелого аммиака. Дышать стало нечем. Стены покрылись инеем, температура вокруг упала до арктической. Рука змеи, сжимающая его горло, начала трещать, её чешуя замерзала, теряя эластичность.

Раздался звук, похожий на выстрел и хруст сухой ветки одновременно. Замороженная рука мутанта не выдержала напряжения и оторвалась в локтевом суставе. Змея отшатнулась, глядя на свою культю с животным непониманием.

В этот момент за её спиной воздух разорвался золотым сиянием. Света возникла в пространстве уже в замахе. Её меч вошёл твари точно в спину, пробив позвоночник и выйдя из груди.

Тварь выгнулась дугой, издав звук, похожий на свист про-

битого парового котла. Она рухнула на колени, а потом сплюнула на пол, заливая доски кислотной кровью.

Воительница выдержнула меч, брезгливо стряхнув с него зелёную слизь, и схватила Алмаза за плечо. Они материализовались на втором этаже, в тёмном коридоре.

– Ну и день... – прохрипел бунтарь, выдыхая облачко пара.

Алмаз и Света замерли в тёмном провале коридора второго этажа, где стены напоминали карту разбитой жизни, а воздух был густым и едким от запаха палёной кислоты и известковой пыли. Юноша с удивлением наблюдал, как лохмотья его рубашки, только что разъеденной ядом, начинают шевелиться: чёрные нити ткани тянулись друг к другу, сплетаясь в единое полотно, словно невидимый портной латал прорехи прямо на теле.

– Прикинь... – выдохнул он, ощупывая восстановившийся рукав. – Шмот регенерирует. Экономия на стирке колоссальная.

– Минерал запомнил твой образ, – даже не обернулась одноклассница, всматриваясь в темноту лестничного пролёта. – Тот образ, в котором ты чувствуешь себя собой. Сейчас ты чувствуешь себя на пике, вот он и держит форму.

– Я стал крутым, – хмыкнул Алмаз, любясь игрой света на гранях кольца. – Почти босс.

По лестнице поднималась Змея. Её изуродованное тело, лишённое одной руки, двигалось с неестественной грацией,

она перетекала через перила, изгибаясь под невозможными углами, а её раздвоенный язык пробовал дерево на вкус, выискивая жертв.

Света рванулась вперёд, выпуская из рук лучи света в сторону противника. Она уворачивалась от плевков врага, скользя за стены. Кислота прожигала дерево и штукатурку, оставляя дымящиеся чёрные дыры. Несколько лучей пробиты тварь насквозь, и зелёная кровь брызнула по стенам, но раны хищницы затягивались медленно, с отвратительным хлопаяющим звуком, будто плоть сама себя зашивала.

Алмаз, понимая, что в лоб атаковать бесполезно, решил зайти с фланга, но путь ему преградила массивная тень.

По запасной лестнице, тяжело хромая, поднялся выживший Разрушитель. Его броня была искорёжена, а в руках он сжимал не автомат, а длинную катану, явно трофейный клинок, который этот мясник таскал с собой всегда.

– Моя... – алчно прошептал мальчик, чувствуя зов стали.

Хитрец стал скоростью, смазался в пространстве, превратившись в порыв ветра. И обогнул неповоротливого гиганта, на бегу всадив ему в бок разряд молнии, который прожёт весь железный костюм, и вырвал клинок из ослабевших пальцев врага.

– Иди к папочке! – взвизгнул он, ощущая приятную тяжесть рукояти.

Алмаз, окрылённый удачей, на полной скорости влетел в Змею, используя своё тело как таран. Удар сбил тварь с ног, и

в этот момент Света, подгадав тайминг, нанесла широкий горизонтальный удар световым клинком, начисто отсекая мутанту уцелевшую ногу и остатки руки.

Зеленоглазый, решив, что настал его звёздный час, начал крутить катану, пытаясь добить врага. Но сверхскорость требовала такой реакции, которой у него не было. Лезвие со звоном врезалось в стены, высекая искры, застревало в штукатурке, и он, размахивая клинком, как безумная ветряная мельница, был опаснее для себя и Светы, чем для Змеи.

– Отойди, идиот! – не выдержала одноклассница и рассмеялась, уклоняясь от шального взмаха напарника.

Воительница взмыла вверх, пробив крышу гостиницы. Мальчик выскочил наружу через разбитую дверь. В воздухе девушка расправила крылья шире так, что их сияние ослепило день. Одноклассница применила ультразаряд «Вездесущий свет», сделала взмах, и световой луч прорезал здание, будто раскалённый клинок, прямо через центр. Гостиница разъехалась в стороны. Боковые стены остались целыми, но опасно покосились. Вверх поднялся густой дым, смешанный с запахом палёного дерева.

– Классная ульта, – присвистнул хитрец, уважительно глядя на дымящиеся руины.

Света плавно опустилась рядом.

– Красиво, – согласился Алмаз, потирая шею. – Слушай, а не хочешь подбросить до дома?

Воительница демонстративно закатила глаза. Она выдер-

нула свой световой меч, который тут же растворился в воздухе, и, бросив короткое «Тренируйся», исчезла в золотой вспышке телепортации, оставив его одного посреди поля.

– Ну спасибо, – буркнул мальчик. – Развивай скорость. Легко сказать.

Алмаз вздохнул, принял низкий старт, как видел в фильмах, и рванул. Ветер ударил в лицо плотной стеной. На первом же повороте он не рассчитал инерцию. Ноги поехали по гравию, и он кубарем улетел в кювет, собрав лицом всю сухую траву и репы.

– Да ё-моё! – выругался мальчик, выплёвывая землю. – Где тут тормоза?!

Он встал, отряхнулся и побежал снова. На этот раз через поле. Сверхскорость начинала поддаваться, его силуэт размывался, оставляя за собой призрачный шлейф. Хитрец врезался плечом в берёзу, дерево жалобно хрустнуло, осыпав его листьями, потом зеленоглазый споткнулся о кочку, пропахал носом борозду, но встал и побежал дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.